

Публикации аспирантов

УДК 82.09. Русская литература XX века. /10.01.01

Гаганова А.А.

Литературный институт имени М.Горького (г. Москва)

КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПОРТРЕТУ ГЕРОЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА

A. Gaganova

M. Gorky Institute of Literature

CLASSIFICATION APPROACH TO THE INDUSTRIAL NOVEL'S CHARACTER'S IMAGE

Аннотация. В статье рассматривается возможность классификационного анализа образа героя производственного романа. Среди ведущих факторов, оказывающих влияние на формирование художественного портрета героев, названы – советская литературная критика, социальный очерк, политическая конъюнктура. Проанализирована эволюция образа героя в корреляционной связи литературного портрета с историей экономики страны, от индустриализации первых пятилеток и престижа металлургических специальностей до дифференциации рабочих специальностей в годы «оттепели» и престижа наукоёмких технологий.

Ключевые слова: производственный роман, художественные портреты производственных лидеров, советская литературная критика, социальный очерк, политическая конъюнктура, «реалистическая типизация», «плакатная мифологизация», личностная профессиональная самореализация.

Abstract. The article deals with the possibility of classification analysis of the character in an industrial novel. Among the leading factors influencing the evolution of the character's image are the soviet literary criticism, social essay and political environment. The evolution of the character has been analysed in correlation of the character's image to the history of country's economy, from industrialization of the first five-year plans and prestige image of the metallurgic professions, to differentiation of the labour professions in "thaw" period and prestige of the science-driven technologies.

Key words: industrial novel, artistic portraits of the industrial leaders, soviet literary criticism, social essay, political environment, "realistic typification", «poster mythologization», professional self-actualization.

Научной проблемой, определившей задачи нашего исследования, является художественный кризис жанра производственного романа, (далее – ПР), характеризующийся большим количеством стереотипных сюжетов и произведений, обладающих низким уровнем психо-

логизма. С целью поиска каузальных основ художественного кризиса жанра ПР поставим задачу системного анализа художественных портретов героя ПР в лонгитюде жанра.

Сегодня проблема жанрового кризиса ПР остаётся практически неизученной, поскольку, в силу прямой генетической зависимости этого направления от политической конъюнктуры, литературоведческая критика советского времени носила характер публицистики, но не научного анализа. Однако ПР заслуживает самого пристального научного внимания, имея безусловную историческую ценность, как жанровый феномен.

Современные исследователи, анализирующие русскую литературу XX века, касаются прежде всего специфики «соцреалистического канона» [5], не углубляясь в исследование такого жанра, как ПР, априорно считая это направление низкохудожественным и потому не заслуживающим научного исследования. Однако, на наш взгляд, эта априорность не вполне корректна, поскольку в жанре ПР были созданы литературно удачные, сопровождающиеся яркими спорами произведения таких художников слова, как Л. Леонов, Н. Ляшко, А. Малышкин, Ю. Крымов, В. Кочетов, В. Дудинцев, Г. Николаева. Нашей задачей является системный анализ литературных портретов ПР с целью поиска механизма эволюционного кризиса жанра. Для этого нами обработан большой материал художественных произведений жанра ПР, и на его основе создан оригинальный классификационный подход к литературным портретам героев.

1. Объёмность и плакатность в образе героя

Анализируя литературные портреты ПР, можно обнаружить два изобразительных полюса, на одном из которых герой художественно цельный (схематичный, «плакатный»), а на другом – объёмно-противоречивый. «Воспитательная функция» канонического ПР предполагала, что положительный герой представляет собой мифологизированный, «плакатный» образ, на который следует равняться. Политическая

идеализация образа положительного героя позволяет исследовательнице К. Кларк вводить термин «вербальной иконы»: «Литературный портрет соцреалистического героя был фактически проекцией политического портрета политического лидера в стране, его уменьшенной копией» [5, с. 575]. Однако уже в раннем ПР появляются достаточно сложные художественные характеры, мы будем в этом случае говорить об объёмности образа героя в противовес «плакатному» характеру.

Таков, например, владелец кондитерской фабрики Харитон Воскобойников. (Н. Ляшко, «Сладкая каторга»). Этого фабриканта нельзя в духе соцреализма назвать «проклятым буржуином», в фабриканте Воскобойникове есть целеустремленность, профессиональное экономическое образование, деловая хватка, пытливый ум, лидерская ответственность, способность идти на просчитанный риск при расширении производства. Одновременно Воскобойников хитёр и скрытен, изворотлив, жесток с конкурентами, льстив с покровителями. Эти личностные характеристики создают многомерный образ директора кондитерской фабрики.

«Смешны были те, кто злословил, будто он, Воскобойников, хочет казаться умным, и толстыми книгами только украшает свой дом. Наоборот, он в противовес жене и тем, кто злословил о нём, легко и без иностранных слов мог говорить об очень сложных вещах. А злословили люди о нём потому, что он носил, как черепаха - панцирь, кору нарочитой неотёсанности и употреблял всякого рода деревенские «ужотко», «давесь», и вслух гордился этим – мы, фабриканты, из простых мужиков! А про себя, вслушиваясь в разговоры образованных, подсмеивался над ними и думал «экие свиристелы! И какого шута вас в университетах квасили?» [9, с.10].

Деловая хватка Харитона Воскобойникова напоминает нам другого многомерного героя раннего ПР, из «Соти» Л. Леонова, производственника Сергея Потёмкина.

«Пропадающее изобилие лесов и людей здешних, не вовлечённых никак в хозяй-

ственный кругооборот страны и надоумило Сергея Потёмкина заказать знающим людям эскиз-проект небольшого бумажного предприятия. (...) Потёмкин волновался. Потёмкин торопил с предварительным обследованием, ночей не спал Потёмкин, смущаемый гибнущими богатствами края, сам уроженец Солонги, юность до солдатчины проработавший на сплаве...» [7; с. 50].

Итак, наряду с “плакатными” художественными портретами героев (В. Катаев “Время, вперед!”, Ф.Г. Ладков “Цемент”, В. Кетлинская “Мужество”) уже в раннем ПР мы видим и многомерных, противоречивых персонажей, вызывающих у читателей сложный букет чувств. Романы Л. Леонова “Соть”, Н. Ляшко “Сладкая каторга” большинством критиков признавались как высокохудожественные.

2. Герой статичный и динамичный

Моральный выбор героя способен его литературный портрет изменить до неузнаваемости, вплоть до образа антагониста. Таковы метаморфозы, к примеру, образа Тани Завьяловой (Н. Ляшко, “Сладкая каторга”), которая из мстительной фурии превращается в образцовую жену. А “галантливый передовик производства”, мастер-кармельщик Степан Шевардин, оказывается подлецом и предателем. Герой романа А. Малышкина “Люди из захолустья” столяр Иван Журкин, изначально приехавший на Красногорский комбинат исключительно ради денег, неожиданно обнаруживает на заводе свою профессиональную самореализацию. Для героев ПР периода “оттепели” характерна обратная тенденция, меркантилизм, прагматизм. В рутине заработка и будничной ловли трески и селёдки молодые моряки из “Трёх минут молчания” Г. Владимова постепенно теряют всю радость морской романтики. Однако большинство героев канонического ПР отличаются статичностью образа. Отсюда и стереотипность сюжетов ПР, ограниченность драматургии, известный “схематизм”.

3. Лидер и его место в трудовом коллективе

Героев ПР можно анализировать по месту в производственном коллективе. Возможен, к примеру, одинокий лидер (Иван Увадьев, “Соть” Л. Леонов). Или же, лидер, резко превосходящий по социальному статусу своих подчинённых (министр тяжелой промышленности Онисимов, “Новое назначение” А. Бек). Возможен лидер, в разных системах координат проявляющий себя как, соответственно, “позитивный” либо “негативный” персонаж (Дмитрий Бахирев, “Битва в пути”, Г. Николаева). Может быть лидер-антагонист, или, в терминологии А. Митты, “андердог” [10, с. 80], который добивается успеха, но с точки зрения обывателя, его жизнь – цепь постоянных конфликтов. Образ “андердога” можно увидеть в Дмитрие Лопаткине, только у самого В. Дудинцева (“Не хлебом единым”) герой ассоциируется со строптивой рыбой, идущей против течения.

“Как же ты сумел прорваться к министру? – Спрашивали эти умные, живые глаза. “Павел Иванович, смотрите, а ведь это лосось!” – Сказал Дроздов одобрительно. – “Лосо-ось, – Согласился Шутиков, обнимая Дмитрия Алексеевича, и сияя ему прямо в глаза своей золотой улыбкой. – Ну что же, пойдём ко мне?” [2, с.239].

Для ранних ПР характерен феномен “коллективного героя”, автором создан людской конгломерат, в котором мелькают разнообразные, но не подкреплённые художественными портретами фамилии героев. Для характеристики персонажей автору оказывается достаточно дефиниций, выраженных множественным числом. «Подошли новые. Столпились. В лаптях, босиком, в спецовках, без спецовок, в башмаках. Русые, вымывшиеся, грязные, в зеленоватой муке цемента, как мельники. Горластые, тихие, в майках, в футболках, в рубахах. Ханумовские, ермаковские, разные, но все молодые, все с быстрыми блестящими глазами» [3, с. 264]. Очевидно, что этот литературный приём автор использует для реализации такой политической за-

дачи посредством художественного слова, как воспитание чувства коллективизма.

Описательные дефиниции персонажей вместо их психологических портретов встречаются и в «Дне Втором» И. Эренбурга: «Здесь были украинцы и татары, пермяки и калуцкие, буряты, черемисы, калмыки, шахтёры из Юзовки, токари из Коломны, бородастые рязанские мостовщики, комсомольцы, раскулаченные, безработные шахтёры из Вестфалки или Силезии, сухаревские спекулянты и растратчики...» [14, с. 153].

4. Реалистичная типизация и плакатная мифологизация

Выделим два ведущих приема для работы с фактурой при создании литературного портрета – художественно реалистичной типизации и “плакатной” мифологизации. Здесь уместно вспомнить слова исследовательницы Катарини Кларк о “вербальной иконе” портретов соцреализма [5, с. 570] и “политической притче” соцреалистического романа. Согласно этому художественному принципу создания литературного портрета (по К. Кларк) герой соцреализма представляет собой идеализированный характер человека, идущего в своём личностном развитии от стихийного к сознательному. На наш взгляд, основой для подобной “плакатной” мифологизации является легенда о Данко горьковской Песни и мифический образ Прометея.

Однако на другом полюсе этой условной шкалы – типизированный реалистичный характер. Примерами подобных образов можно назвать героев романа Н. Ляшко “Сладкая каторга” и его повести “Доменная печь”, героев А. Малышкина “Люди из захолустья”, героев романа Г. Николаевой “Битва в пути”. Во всех этих случаях развитие сюжета определяет проявление типологии личности, её эмоционально-волевой и интеллектуальной сферы, история отношений между людьми, а не история стройки, претендующая на сюжетный центр.

Сравним сюжетные конфликты у трёх авторов: Н. Ляшко, Ю. Крымова, Г. Николаевой. Перед нами – любопытнейшая переключ-

ка сюжетов, в которой видны родственные психотипы, схожие характеры, что и даёт возможность разным авторам для реалистической типизации. Отметим гигантский разрыв в написании этих произведений: с 1925 по 1955 г. Все героини в цитируемых отрывках стремятся к благополучию, достатку, стабильности, в то время как все герои – к профессиональной самореализации, ради которой они идут на риски, ситуацию неопределённости. Конфликт психологических ценностей в семье развивает пружину действия.

“Стал рассказывать, какая у меня горячая работа. Вижу, не слушает она, слова мои жене горше редьки. Сидит, ест меня глазами, как злой офицер – солдата. – “Получаешь сколько? В пайке что дают? (...) Приехали, так он не поздоровался – убежал! Завод дороже ему! (...) Другие вон кофеи с маслами-сырами пьют, дома загребли, в шелка оделись, в автомобилях катаются. А мне что? Шиш с маслом? (...) Все для людей делал? Ну и целуйся с ними! (...)” [8, с. 218].

“Мне кажется, Саша, у тебя никогда не будет в жизни удачи! Тобой затыкают дыры, а ты говоришь, что это аврал и доволен”. (...) Он притянул ее к себе и погладил по волосам, но Муся упрямо отстранилась. – “Саша, другие поступают иначе. Я хочу, чтобы ты преуспевал в жизни. (...) Твой аврал затянулся, – говорила Муся шутливо, но с жёлчной обидой” [6, с. 50].

“Катя плакала. Всегда неслышная, спокойная, довольная. – “Катя! О чём ты плачешь?” – “Мне так тяжело! Я тут так одинока! (...) Что же это, Митя? (...) Надо уступать! Тут свои обычаи! (...) В эти часы, очень трудные для Бахирева, ребёнок оказался ближе и мужественнее сердцем, чем взрослая женщина! Возле неё, у себя дома Дмитрий почувствовал одиночество. Ни желания помочь, ни стремления понять не было в словах жены, а лишь желание сохранить привычный покой, благополучие, достаток (...) Она всегда говорила, что “живёт им” но как можно было из года в год “жить им” и ни на миг не заинтере-

соваться его металлом, производством, техникой, всем, что составляло смысл его жизни? Нет, жена не жила им! Она жила “возле него” [11, с. 218].

5. Личностная и социальная мотивация в поведении героя

Отметим, что ПР представляет собой жанр, в котором социальная функция играет особенно значимую роль в создании литературного портрета героя, именно об этом подробно говорит А. Янов. [15, с. 212]. Важно учитывать критерии, заложенные автором в портрет героя, а именно, психологические свойства личности, или же “социально значимые” функции. Вариантами социального противостояния могут быть конфликты: идеология социалистической и капиталистической экономик (“Человек меняет кожу” Б. Ясенского), конфликт новатор–консерватор (“Время, вперед” В. Катаев), противостояние “строителей социализма”- идейным предателям (В. Кетлинская, “Мужество”).

Возможно и другое сюжетное решение, основывающееся на типологии личности. В этом случае становится возможна драматургия противостояния ценностей; творчески-профессиональной самореализации и карьерно-номенклатурной одержимости, как, например, у Д. Гранина (“Искатели”, “Зубр”, “Иду на грозу”), В. Дудинцева (“Не хлебом единым”) и у Г. Николаевой (“Битва в пути”). В данном случае многообразие произведений ПР следует анализировать по типу личностной мотивации героя. Она носит либо социально-значимый, либо индивидуально-психологический характер.

В ранних ПР личностная самореализация для героя тождественна социальному престижу профессии. Эпоха первых пятилеток и индустриализации – это и эпоха престижа рабочей специальности на фоне уходящей в прошлое “аграрной царской России”. Так, у героев И. Эренбурга в ПР “День второй” отчётливо видно, что статус “рабочего человека” был выше крестьянина. «Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. (...) Четвёртые мечтали

выйти в люди, стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, поменять кирку и кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машины для них были живыми...» [14, с. 169].

Однако, уже к эпохе “оттепели” социальный статус “рабочего” начинает терять престиж, уступая место человеку умственного труда, учёному. Теперь герой стремится к комфорту, достатку, семейному благополучию. В повести Г. Владимова “Большая руда” шофёр Виктор Пронякин приезжает на карьер “обустроиться” и с ироничным презрением отзывается о тех, кого вдохновляет горнодобыча. Рабочий Пронякин даже подыскивает своей жене “денежное местечко” и пишет ей соответствующее письмо.

“Дорогая моя женулька! – вывел Пронякин с сильным наклоном влево и аккуратными закорючками, – Можешь считать, что уже устроился. Дали пока что старый “МАЗ” (...) Есть такая надежда, что и комнатёшку дадут, хотя здесь многие нуждающиеся. А я бы лично, если помнишь наш разговор на эту тему, своей бы хаты стал добиваться. Хватит, намыкались мы у твоих родичей, да и они над нами вдоволь поизгалялись...” [1, с. 21].

В романе “Жажда” Ю. Трифонова многие герои также работают на карьере исключительно ради денег, как например, эскаваторщик Нагаев. Никаких “высоких” идеалов и возвышенных целей участия в строительстве новой страны, как это было у героев раннего ПР, у героев, подобных Нагаеву, нет.

“Есть такой эскаваторщик, Нагаев... Так вот, я у Нагаева спрашиваю, “Зачем, говорю, вы себя так дьявольски изнуряете?” – Ведь работают, они, звери, без выходных, и ночей не спят, жадность к этим самым кубам – лютая. – А что ж, говорит, пока рубль длинный, теряться не приходится. Понятно? У него, ребята сказали, тысяч примерно сто двадцать на книжке! – Деньги не ворованные, зазорного ничего нет!” [13, с. 91].

В большинстве ПР стройка является основной сюжета, а герои служат лишь фоном. И не случайно Н. Лейдеман определяет ПР

как “жанр, в котором человек рассматривается прежде всего в свете его рабочих функций.” [12, с. 30]. Исключение из правила, когда история личности звучит на фоне истории производства (“Сладкая каторга” Н. Ляшко, “Битва в пути” Г. Николаевой) крайне редки, но именно эти произведения оказываются подлинно художественными, выдерживают проверку временем.

В том случае, когда автор обращается к “вечным” проблемам, имеющим яркое эмоциональное наполнение (любовь, верность, взаимопомощь, дружба), демонстрируя силу характеров героев, противостоящих превратностям судьбы, читательские симпатии оказываются наиболее устойчивыми, а роман – долговечным.

Выводы.

1. Низкий психологизм образа героя в ПР проявляется на протяжении всей эволюции жанра, с 20-х по 60 гг., что обусловлено политико-социальной функцией жанра, преобладающей над художественной. Проблема поиска образа положительного героя ПР, оказавшаяся для жанра не разрешённой, коррелируется с проблемой художественного портрета отрицательного героя, эстетически неразвитого в силу политической конъюнктуры советской эпохи.

2. Негативное влияние критики в жанре ПР проявляется в неадекватной интерпретации художественных образов ПР со стороны литературоведов, предписывающих жанру публицистические функции. Влияние социального очерка эпохи Н. Хрущева на литературные портреты героев ПР выражается в их “измельчании”, упрощении личностных задач, вытеснении героической мотивации житейско-рутинной. Одновременно происходит падение престижа социального статуса рабочего, который из “героя дня” (как в годы индустриализации), становится “вторичной” профессиональной категорией, проигрывая новому герою дня – учёному.

3. Для жанра ПР художественно удачными оказываются литературные портреты героев, которые психологически объёмны, про-

тиворечивы, создаются по алгоритму “реалистической типизации”, противоположной “плакатной мифологизации”. Реалистичный персонаж занимает в сюжетных коллизиях роль героя-антипода по отношению к персонажу, негативный портрет которого создаётся на основании морально-личностных (а не только производственных) характеристик. При этом производство (стройка, завод) для художественно яркого и психологически объёмного героя служит инструментом личностной профессиональной самореализации, а не только заработка. К сожалению, все эти художественные особенности стали огромной редкостью для жанра ПР, оказавшись несовместимы с политической конъюнктурой и соцреалистической критикой.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Владимов Г.Н. Большая руда: повесть. – М.: Сов. Россия, 1962. – 136 с.
2. Дудинцев В. Не хлебом единым. – М.: Современник, 1979. – 416 с.
3. Катаев В.М. Избранное. – М.: Худож. лит., 1989. – 528 с.
4. Кетлинская В.К. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Мужество: роман. – Л.: Худож. лит., 1978. – 663 с.
5. Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон. – СПб., 2000. – С. 569-584.
6. Крымов Ю. Танкер “Дербент”, повесть // Ю. Крымов, Танкер “Дербент”, “Инженер”. – Лениздат, 1976, – 350 с.
7. Леонов Л.М. Собр. соч. В 9 т. Т. 4. Соть : роман. Саранча : повесть. – Л.: Гослитиздат, 1961. – 394 с.
8. Ляшко Н. Сладкая каторга : роман. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Гослитиздат, 1935. – 384 с.
9. Ляшко.Н. Доменная печь, повесть. – М., Сов. писатель, 1949, – 276 с.
10. Митта А.Н. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Куросаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому... – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ : Зебра Е, 2008. – 505 с.
11. Николаева Г. Собр. соч. В 3 т. Т. 2. Битва в пути: роман. – М.: Худож. лит., 1987. – 671 с.
12. Русская литература XX века, 1917-1920-е годы: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. В 2 кн. Кн. 2 / [Н. Л. Лейдерман и др.]; – М.: «Академия», 2008 – 688 с.
13. Трифонов Ю. Утоление жажды. – М.: Худож. лит, 1967. – 382 с.

14. Эренбург И. День второй: роман. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1934. – 255 с.
15. Янов А. Движение молодого героя. Социологические заметки о художественной прозе 60-х годов // Новый мир. – М., 1972. – № 7. – С. 232-261.